

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ТРАДИЦИИ и образование

Олег Николаевич Смолин,

*первый заместитель председателя Комитета
по образованию Государственной Думы,
доктор исторических наук, доктор философских наук*

Лет 15 назад помощник британского премьера по вопросам образования Майкл Барбер, выступая перед студентами МГУ, заявил: три главных приоритета правительства Тони Блэра — это образование, образование и ещё раз образование! И вызвал у студентов гомерический хохот...

Позже удивлённому джентльмену объяснили, что лет за 80 до Тони Блэра примерно то же самое провозгласил советский лидер В.И. Ленин на III съезде комсомола, причём тогда это вызвало у молодёжи не смех, а удивление и даже недоумение. В разрушенной стране, где продолжалась Гражданская война, объявлять образование главной задачей многим казалось бессмыслицей. А на самом деле было стратегическим предвидением, которое положило начало культурной революции и, скажу больше, заложило один из главных камней в фундамент будущей победы советского народа над фашизмом.

А теперь вспомним парадоксальное высказывание совсем другого политика, который, мягко говоря, не любил Россию, но при этом не советовал никому с нею не воевать, поскольку русские «долго запрягают, но быстро едут». Этим политиком был «железный канцлер» Отто фон Бисмарк, а сказал он следующее: «Войны выигрывают не генералы, но школьные учителя!» Почему «войну выиграл советский десятиклассник?»

Много лет спустя выдающийся философ Александр Зиновьев — автор книг «Зияющие высоты» и «Гомо советикус», сначала жёсткий критик советской системы, а затем её яростный защитник — произнёс примерно то же самое применительно к Великой Отечественной: «Войну выиграл советский десятиклассник».

Ещё образнее, как и подобает писателю, высказался на эту тему Борис Васильев: «Это было поколение, о которое разбилась крупшовская сталь!»

Спросим же себя, почему советский десятиклассник смог выиграть войну, а наше образование стало образованием Победы? Вот лишь некоторые тому причины.

Первая: стратегический, а не бухгалтерский подход к финансированию образования. В СССР уже в 1930-х затраты на образование рассматривали не как «бремя государства» (как говорят современные системные либералы), но как инвестиции в будущее. Тогда ещё не были известны работы экономистов — нобелевских лауреатов, которые полностью

это подтверждают, включая Василия Леонтьева, Эдварда Денисона и др. Но на уровне здравого смысла власть это прекрасно понимала.

С 1933 по 1937 гг. расходы на школы увеличились в 3,5 раза: в 1950-х доля государственных расходов на образование составляла 10–12% от ВВП; в 1970, по данным Мирового банка, — 7%. Сейчас же эта доля составляет 4% — предпоследнее место среди развитых стран. А теперь подумайте, случайно или не случайно российская кривая экономического роста всё более затухает, а потом превращается в кривую провала. И если в начале 2000-х А.Л. Кудрин любил говорить об экономическом чуде, то теперь мы получили это чудо, вывернутое наизнанку.

Конечно, с началом войны расходы на образование значительно сократились. Однако напомним: в 1943 и 1944 гг. в стране создаются две новые академии: педагогических наук и медицинских наук. Война в разгаре, а власть думает о будущем здоровье и интеллекте нации. Разве это не доказательство стратегического подхода к финансированию образования и науки?

Второе: образование для всех — всеобщее, массовое, эгалитарное образование, т.е. образование равных возможностей.

После решения ЦК и Правительства в 1930 г. о введении в стране обязательного начального образования в школах появились 10 миллионов новых учеников и 60 тысяч новых учителей. В 1933–1937 гг. в стране были построены почти 19 тысяч новых школ, в том числе более 15 тысяч на селе.

И пусть решение XVIII съезда о введении всеобщего среднего образования в городе и всеобщего семилетнего образования на селе до войны исполнить не успели, но эти решения позволили за три года увеличить число детей в старшей школе в городе вдвое, а на селе — втрое. Вот вам и десятиклассник, который выиграл войну. В 1941 г. почти

95% комбатов в Красной Армии имели среднее образование.

Вторая мировая и Великая Отечественная стали во многом войнами машин. Именно благодаря новой школе мы получили миллионы танкистов, артиллеристов, лётчиков и пулеметчиков, как мой отец.

Для сравнения. В 1990-х и начале 2000-х число детей вне школы оценивалось по-разному:

- по заявлениям министров образования в ответ на мои вопросы — до нескольких сот тысяч;
- по оценкам Общественной палаты — до миллиона;
- по подсчётам Генеральной прокуратуры — почти до двух миллионов;
- согласно заявлению заместителя министра образования М. Лазутовой — до трёх с половиной миллионов.

Однако в 1990-х гг. была закрыта примерно тысяча школ, а в 2000-х — около 24 тысяч, не считая тысячи вечерних. По оценкам Счётной палаты, за 2014 г. закрыто 592 и реорганизовано 2030 образовательных организаций.

Недавно ко мне обратился москвич, который хочет завершить среднее образование в вечерней школе. И жалуется, что не может такую школу найти!

Что это: ликвидация грамотности? Совершенно очевидно, что процесс пора остановить, но школы закрываются. Может быть, нам пора принять закон?

И стоит ли после этого удивляться, что, по данным ВЦИОМ, 20% опрошенных думают, что сейчас в школе учат лучше, а 48% — что лучше учили в советское время?

Третье: массовое, эгалитарное профессиональное и высшее образование.

За 10 лет (1929–1939) общее число тех, кто учился в школах, профобразования

и вузах, в СССР увеличилось с 13,5 до 31,5 млн человек. Только вузов было открыто 832. Сложилась система специализированных высших учебных заведений: технических, медицинских, сельскохозяйственных, педагогических, вузов культуры. Их выпускники не только подняли промышленность и оборону, но и воспитали того самого десятиклассника, который выиграл войну.

Напомню: в 2008 г. министр образования и науки А. Фурсенко заявил, что количество вузов в стране нужно сократить с одной тысячи с небольшим до 150–200, т.е. до уровня не 1930-х, но 1913 г.! А теперь откроем подписанную Председателем Правительства концепцию Федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 гг. и прочитаем в ней, что в будущую, извините за выражение, «пяtilетку качества» предполагается закрыть 40% вузов и 80% филиалов!

Конечно, в России есть вузы, которые можно и нужно закрывать, но хочется спросить:

- С какого «потолка» и при помощи какого «пальца» взяты эти показатели?
- На чём основано убеждение, что большие вузы непременно более эффективны, чем небольшие?
- Откуда взялось странное представление, что, если за задние лапы связать 20 кроликов, непременно получится слон?
- И кто считал последствия? Разве не очевидно, что после массового закрытия филиалов судьба «неперспективных деревень» постигнет малые города, из которых массово будет уезжать молодёжь?

Четвёртое: фундаментальность образования. Советская школа 1930-х во многом повторяла российскую гимназию, только место древних языков заняли естественно-математические науки. Это помогло воспитать блестящую плеяду конструкторов, военных инженеров и техников, чей вклад в Победу огромен.

В этой связи не могу не обратить вашего внимания на два тревожных обстоятельства.

Во-первых, зампред Правительства Д. Рогозин говорит о слабой подготовке современных детей по физике и об их нежелании идти

в технические вузы. По его мнению, это подрывает оборону государства.

Во-вторых, ещё раз обращаю внимание комитетов по образованию, по науке, по обороне и по безопасности: новый стандарт для старшей школы, вступающий в полную силу с 2020 г., позволяет не изучать не только физику, но также химию и биологию — т.е. основы шестого технологического уклада. Спрашивается, кто будет воссоздавать военно-промышленный комплекс и обеспечивать технологическую и оборонную безопасность страны?

Пятое: живая, творческая педагогика, а не мёртвая педагогика услуг и показателей. Во многом эта педагогика связана с именем А. Макаренко и его учеников. Кстати, эти ученики собирали фотоаппараты, т.е. работали в области высоких технологий своего времени, а сам Макаренко, как бы его ни проклинали в 1990-е, входит в пятёрку самых выдающихся педагогов XX века.

Разумеется, и тогда уже сформировалась бюрократия. Разумеется, научные, образовательные и кадровые достижения страны могли бы быть много выше, если бы не Гражданская война, стратегические ошибки в управлении образованием и наукой и массовые репрессии.

Однако эгалитарное массовое образование, доступ к нему десятков миллионов людей без ограничений и творческая педагогика преодолевали всё и обеспечивали рост интеллектуального потенциала страны — залог будущей Победы.

А недавно на Совете при Председателе Государственной думы председатель Комитета по образованию В.А. Никонов озвучил некоторые данные о том, чем вынуждены заниматься современные школы и вузы: бумаги, отчёты, проверки, показатели — всё, что угодно, только не дети и студенты.

Например, по состоянию на октябрь 2014 г. в системе образования без учёта высшего образования в 2014 г. было проведено 176 различных мониторингов и отчётов по 11 700 показателям, в том числе на федеральном уровне — 108 по 10 355 показателям; на региональном уровне — 68 (1 346 показателей). Только в рамках мониторинга «Наша новая школа» запрашивается 1 039 показателей. При этом 240 показателей, которые запрашивает Минобрнауки, есть в официальной статистической отчётности.

Удивительно, как многие педагоги, верные традиции, ещё продолжают работать по известному принципу: да здравствует то, благодаря чему мы, несмотря ни на что!

Шестое: патриотическое воспитание, точнее, воспитание любви к своей стране.

Напомню: сейчас обсуждается концепция «Государственной программы патриотического воспитания граждан Российской Федерации». Она, в частности, предполагает примерно за два миллиарда рублей увеличить на 8% количество молодёжи, которая гордится своей страной, т.е. по 225 миллионов за процент.

Слава Богу, в 1930-е это в голову никому не приходило. Тогда молодёжь воспитывалась не формальными мероприятиями, но всей социальной и информационной средой: от каждого урока и большинства радиопрограмм до ДОСААФ, клубов будущих лётчиков и моряков. Именно в общих делах ковался тот самый человеческий металл, о который «разбилась крупновская сталь».

Недавно услышал рассказ о том, что незадолго до самоубийства Геббельс приказал собрать фотографии советских военачальников в специальные альбомы. Эти альбомы он отправил Гитлеру с комментарием: «Посмотрите на эти лица! Мы ошиблись: такой народ победить невозможно».

Не стану говорить про духовное наполнение, но, по данным Минобрнауки, в России около 90 тысяч парней ежегодно не призываются в армию из-за дефицита массы тела. Добавлю к этому: наши законопроект и поправки к бюджетам о школьном питании регулярно отклонялись Правительством и Государственной думой.

Проза и поэзия

В Год литературы не могу ещё раз не сказать о её роли в патриотическом воспитании. Две недели назад уважаемый депутат и генерал армии М.А. Моисеев напомнил мне про героя Великой Отечественной Момышулы. Наверное, думал, что интеллигенты военную литературу не читают.

К счастью, у нашего поколения с этим всё в порядке. Имя Бауырджана Момышулы мне известно едва ли не с пятого класса, и ещё в школьном сочинении я доказывал, что проза и особенно поэзия Великой Отечественной — это высший взлёт советской литературы. С тех пор помню страшные строки Семёна Гудзенко:

Когда на смерть идут — поют,
а перед этим можно плакать.
Ведь самый страшный час в бою —
час ожидания атаки.
Сейчас настанет мой черёд,
За мной одним идёт охота.
Будь проклят 41-й год
и вмёрзшая в снега пехота.
Мне кажется, что я магнит,
что я притягиваю мины.
Разрыв — и лейтенант хрипит.
И смерть опять проходит мимо.
Бой был короткий. А потом
глушили водку ледяную,
и выковыривал ножом
из-под ногтей я кровь чужую.

Помню не менее страшные стихи Константина Симонова, которые после войны он не очень любил вспоминать:

Если ты фашисту с ружьём
Не желаешь навек отдать
Дом, где жил ты, жену и мать,
Всё, что Родиной мы зовём,—
Знай: никто её не спасёт,
Если ты её не спасёшь;
Знай: никто его не убьёт,
Если ты его не убьёшь.
[...]
Так убей же хоть одного!
Так убей же его скорей!
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей!

Помню пронзительную поэзию блокадницы
Ольги Берггольц и её «Февральский днев-
ник»:

В грязи, во мраке, в голоде, в печали,
где смерть, как тень, тащилась по пятам,
такими мы счастливыми бывали,
такой свободой бурною дышали,
что внуки позавидовали б нам.

А теперь, коллеги, придите в школу и попро-
буйте спросить, что из всего этого помнят со-
временные дети? Год назад в замечательной
гимназии в моём любимом городе я провёл
эксперимент. Во время последнего звонка по-
просил детей представить себе ЕГЭ по-ново-
му — предложил заканчивать начатые мною
стихотворные строки.

— Служить бы рад....

— Прислуживаться тошно, — дружно произ-
несли ребята. Порадовался. Вот бы ещё сде-
лать эту формулу девизом всех российских чи-
новников!

— Товарищ, верь: взойдёт она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья...

— Напишут наши имена, — подсказал зал.
Вместе порадовались ещё раз.

— Но и тогда,
Когда во всей планете
Пройдёт вражда племён,

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Исчезнет ложь и грусть, —
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли...

— Повисла пауза.

— С названием кратким «Русь», — под-
сказал кто-то из взрослых.

И наконец:

— Нас пули с тобою пока ещё милуют,
Но, трижды поверив, что жизнь уже вся,
Я всё-таки горд был за самую милую,
За горькую землю, где я родился...
За то, что на ней умереть мне завещано,
Что русская мать нас на свет родила,
Что, в бой провожая нас, русская жен-
щина...

И только немолодая учительница спасла
честь школы: — по-русски три раза ме-
ня обняла.

* * *

Нет, в отличие от многого другого, де-
ти у нас, как в известной советской
притче, по-прежнему замечательные.
И если они чего-то не знают, то вино-
ваты мы, взрослые, которые создали
для них такую образовательную систе-
му, которая плохо учит их, по выраже-
нию председателя нашего Комитета
В.А. Никонова, читать, писать и гово-
рить.

Очень хочется верить, что моей стране
больше никогда не придётся вести боль-
ших войн с сильным противником.
Но если, не дай Бог, это случится, по-
беждать придётся не благодаря, а во-
преки современной системе образования.

А потому повторю: нам нужно другое
образование. Образование, соединяющее
лучшие отечественные традиции с самы-
ми современными технологиями. Это
и есть образование Победы XXI века.